



Книги Елены Кондрацкой

ДИЛОГИЯ

«ТЕНИ СГИНУВШИХ БОГИНЬ»

Солнце, уснувшее в ладонях ведьмы

Луна, уснувшая в руках вампира

ЦИКЛ

«ДИВНЫЕ БЕРЕГА»

У Ворона две жизни

Когда заканчиваются сказки

Клятвы мёртвых птиц



Дикая птица



Игла. Сказ о сердце Кошевом

ЦИКЛ

«СНЫ ИСТОКА»

Сон в тысячу лет

Колыбельная горы Хого

Восход над деревом гинкго

Роман-однотомник

Имя ей Хель

Елена Кондрацкая



Сказ о сердце Кощеком



МОСКВА

УДК 821.161.1-312.9
ББК 84(2Рос=Рус)6-44
К64

Оформление переплёта, иллюстрации
Eumiltn (Евгении Морозовой)

Дизайн переплёта Кати Петровой

Кондрацкая, Елена Анатольевна.

К64 Игла. Сказ о сердце Кощеевом / Елена Кондрацкая. — Москва : Эксмо, 2026. — 608 с. : ил.

ISBN 978-5-04-222266-5

Молодая и самоуверенная лесная ведьма Игла ищет способ вернуть к жизни своего возлюбленного. Но чтобы сделать это, нужно найти и заполучить сердце Кощя. В поисках бессмертного колдуна Игла освобождает из темницы юношу и просит его о помощи, не подозревая, кто он на самом деле.

УДК 821.161.1-312.9
ББК 84(2Рос=Рус)6-44

ISBN 978-5-04-222266-5

© Кондрацкая Е., текст, 2026
© Оформление.
ООО «Издательство «Эксмо», 2026

ГЛАВА 1

Игла смотрела в белёсые глаза мертвеца.

Стоило моргнуть, и он исчез, растворился в тенях, оставив холодное дыхание на коже и боль в сердце. Игла огляделась, пытаясь сообразить, где находится. Со всех сторон её обступал лес, тихий и багровый, утонувший в лучах заходящего солнца.

Так не пойдёт. Если она не выберется из чащи в ближайшее время, рискует стать закуской для гулей или ещё каких тварей, выползающих из нор после заката. Из оружия при ней был только нож да строптивый огонь, от которого в последнее время не было проку.

Сверившись с зарубками на сосне, Игла окончательно убедилась в том, что леший водит её по кругу, взгляделась в темноту деревьев, надеясь различить знакомую оленью черепушку с алыми лентами на рогах, прислушалась, надеясь разобрать звон золотых колокольчиков, но услышала только ухающую вдалеке сову.

— Не желаю я зла твоему лесу, — проворчала себе под нос Игла, скинула с плеч прибитую пылью



накидку, торопливо вывернула наизнанку и снова надела. Если леший и правда не выпускал её из лесу, это поможет. — Мне только-то и надо, что попасть на одну скромную полянку, не упрямься.

За спиной хрустнула ветка. Игла стремительно обернулась, но никого не увидела. Солнечные лучи, что стелились почти вдоль земли, ослепили её, и Игла, сощурившись, двинулась прочь от них — на восток, как и велели деревенские, у которых она высматривала дорогу.

То ли лешего не обманул трюк с накидкой, то ли Игла сама сбилась с пути, но солнце село, а она так и не добралась до заветной поляны. А может, никакой поляны и не было вовсе. В конце концов, всё, что Игла выведала, — слухи да сплетни стариков и дураков. Иные из них пытались отыскать тайное место, только вот никому это так и не удалось.

Игла раскрыла пустую ладонь и попыталась призвать пламя, чтобы разогнать стучающуюся темноту, несколько тёплых язычков лизнули пальцы и тут же потухли. Игла застонала и тряхнула запястьем. Она слишком устала — чары, как и силы, были на исходе.

Ночь окутала лес, отбиная зрение и призывая в услужение холод. Игла зашагала медленнее и тише — надо быть настороже. Зверей, что водились в лесах, она нешибко боялась — как-нибудь да схватает с волком, выпросит милости у медведя, поклонится дикому кабану и пойдёт своей дорогой. С нечистью же так просто не справиться — ни мертвяка, ни волколака не усмирить шепотками да заговорами. А у неё — обычной деревенской ведьмы — лучшего не водилось. Лес, что лежал за тридевять земель к западу, был Игле помощником и другом, знакомым с раннего детства. Леший там не спле-

тал под ногами лживые тропы, а встречал дорогую гостю радушным хозяином: выводил к грибным местам, целебным травам и звенящим ручьям. А этот лес был чужим, неприветливым — подбрасывал под ноги камни и корни, раздирал подол колючками, щетинил ветви и пугал туманными мороками да невидимыми голосами из чащи.

— Ну же, выведи меня, Хозяин Леса. — Игла поклонилась на все четыре стороны, надеясь снискать милость лешего, пролила наземь воды из фляги и насыпала хлеба, щедро отломив половину от припасённой лепёшки. — Покажи логово Кощеево. Не по нраву тебе мои дары; может, кровушки моей испить желаешь? Так мне для тебя, Владыка Чаши, ничего не жаль.

Кровь пролилась легко, напоила землю и исчезла среди корней. Игла подула на рану, спрятала нож и обмотала ладонь чистой тряпицей, которых всегда брала про запас. Корни зашевелились, заскрипели, принимая плату. Зашумела листва в безветренной ночи. Из темноты послышался тихий звон колокольчика. Леший звал Иглу за собой.

Понадеявшись, что ведёт он её не в логово зверя или нежити, Игла двинулась на звук, прошла меж чёрных, поросших мхом стволов, слыша, как переплетаются за спиной колкие ветки, отрезая обратную дорогу. Но Игла и по доброй воле не ступит из леса до тех пор, пока не отыщет того, за чем пришла. В сердце чужого леса начинался путь к сердцу родному и любимому, тому, что смолкло до отведённого срока, оставив в груди Иглы незаживающую рану, невидимую человеческому глазу и оттого не подвластную ни травам, ни заговорам.

Звук колокольчика отдалялся, Игла зашагала быстрее, больше не заботясь о скрытности, но даже так, воспитанная лесом, выросшая дикой травой,

ступала она гораздо тише обычного человека. Расступались великаны-деревья, расползались змеями корни, и даже слепая луна вынырнула из-за облаков, чтобы осветить путь бледными рогами. Впереди показалась поляна.

Круглым зелёным глазом глядела она на кружавших в воздухе светлячков. Они медленно покачивались вверх-вниз, оставляя за собой бледные световые дорожки, в которых намётанный глаз Иглы подмечал золото чар. Длинная рогатая тень мелькнула на другой стороне поляны и слилась с мраком ночи — леший выполнил свою часть договора. Поблагодарив его и поклонившись в пояс, Игла смело шагнула на поляну. Светлячки отпрянули от Иглы, откатились волной, не позволяя ни разглядеть себя, ни поймать. Один запутался в паутине, что растянула серебряные нити меж стеблей высокой травы. Дрожал в её центре, но вырваться не мог. Игла присела, чтобы рассмотреть его поближе. Оказалось, это был вовсе не светлячок, а крохотный шарик волшебного света.

«Вход в логово Кощеево охраняют пленённые духи — живые жемчужины с бус мавок, что клялись Кощею в любви, да сгинули в его когтях», — говорила слепая старуха, которую Игла отыскала в забытой богами горной деревне. Её кривой палец, цепкая память и быстрый язык и указали Игле путь в незнакомый лес. Чужие истории привели её на Кощеев порог.

Вспоминая, что слышала, Игла ухватила застрявшего в паутине светлячка и поднесла к губам.

— Прошла сотню дорог да нашла твой порог, дар от гостя прими, гостю дверь отвори. — И раздавила духа меж пальцев. Разлетелись зелёные искры из её ладони, закружились, обжигая пламенем, и осыпались на траву.

Сперва Игла решила, что ничего не произошло, а после повернула голову и увидела большой чёрный терем. Он вырос посреди поляны, тучей заслонил луну, недобро взглянул на Иглу резными окнами и застыл, оскалив пасть крыльца. Свет внутри не горел, дом хранил молчание, ожидая, пока гостья — или добыча? — сама войдёт внутрь.

Игла не медлила, чтобы страх не успел вонзить в неё острые зубы, взбежала по высоким ступеням и толкнула приоткрытую дверь. В темноте вспыхнули свечи, одна за другой, освещая просторную прихожую. Никто, кроме них, не встречал Иглу.

— Вечер добрый, дорогой хозяин! — Голос Иглы улетел в коридоры и вернулся раздробленным эхом, таким звонким, будто стояла она не в деревянном тереме, а в каменной пещере.

Никто ей не ответил.

Таяли, роняя на пол воск, свечи, беспокоилось их пламя, когда Игла проходила рядом, подбираясь к крутой лестнице с резными перилами. Игла шла тихо, озираясь по сторонам. Стены терема украшали росписи: закручивались и извивались стебли, переплетались между собой маковки диковинных цветов — столь искусной и тонкой работы, что казались живыми, готовыми вот-вот уронить лепесток другой на каменный пол. Ни одна ступень не скрипнула под лёгкой ногой, и вышла Игла к большим деревянным дверям, прислушалась, толкнула тяжёлую створку. Зажглась новая сотня свечей, и развернулась перед Иглой чудесная зала, такая богатая и красавая, каких Игла ещё не видывала.

Высокие синие своды усеивали сотни золотых солнц, больших и малых, перемежаясь с рогатыми лунами и крапинками звёзд. На чёрных стенах расправляли крылья птицы, изгибая шеи и выводя немые песни среди красных и рыжих цветов. У чет-

вёртой стены, сплошь чёрной, стоял каменный трон с высокой спинкой.

«Будто в царские палаты попала, — подумала Игла, прижимая ладони к груди от восторга. — Только вот где же царь?»

Страх, который она вместе с ножом на поясе несла весь свой долгий путь, отступил под натиском окружающей красоты. Завертелась Игла, разглядывая чудные рисунки в бликах огня, а когда повернулась вокруг себя, увидела стол, накрытый белой скатертью. Моргнула, и на скатерти появились блюда и кувшины, полные пищи и вина. Запечённые рыбчики да утки, румяные караваи, разноцветные похлёбки, сдобренные сметаной да зеленью — столько всего, что хватит накормить целое семейство. Игла слегка сглотнула слюну, уговаривая пустой желудок жаловаться потише, — не за тем она сюда пришла, не для того.

— Ты меня коль привечашь с богатыми харчами да сладким вином, сам покажись, — крикнула Игла. — Негоже хозяину прятаться, когда гости в доме! Выйди, дай тебе поклониться да гостинцы вручить. Есть у меня для тебя и дар, и разговор — как полагается.

«Разговор у меня короткий, а дар мой — нож в сердце», — закончила Игла мысленно, высматривая в тенях зала хозяина терема. Но ей снова никто не ответил.

Исходила Игла половину терема, но не нашла ни души — ни живой, ни мёртвой. Расписные залы, спальни со свежими перинами, купели, окутанные паром горячей воды с запахом трав — всё здесь ждало и жаждало гостей, но стояло без дела. Толкнула Игла очередную дверь и оказалась ни много ни мало в хозяйствской сокровищнице. Стояли по полкам и столам сундуки и ларцы, полные сияющих камней,

серебра да золота. Висели на стенах зеркала в драгоценных рамках и белое оружие, испившее крови и запретных чар. Тянулись, теряясь где-то в темноте, бесконечные шкафы, снизу доверху уставленные невысокими фигурками, вазами, кубками, свитками — кажется, всем чем придётся, от дорогих вещиц до, на первый взгляд, сущих безделиц. Воздух вокруг искрил от затопившей сокровищницу магии.

«Харчи и постель не подошли, привёл меня богатствами своими похвастать? — думала Игла, проходя меж полок и ничего не трогая. — Слышала я, что Кощей гостей испытывать любит, перед тем как жизнь отнять у тех, кто хлеб со стола возьмёт или спать с ним ляжет. Только вот, — Игла мысленно ухмыльнулась, — кому в голову придёт спать со стариком?»

Игла прошла мимо большого зеркала, гладь которого поймала пламя её волос, заплетённых в длинную косу. Игла остановилась и невольно засмотрелась на прекрасные черты своего и одновременно чужого лица. Волосы, больше не рыжие, а сияющие чистым серебром, едва доставали до подбородка. На щеках вспыхнул нежный румянец, а лесная зелень глаз, прежде потухших от горя, заиграла живыми бликами, на голове сверкал самоцветами дорогой венец, шею обвили тяжёлые нити бус. Игла коснулась груди, но нашла пальцами только лён рубахи.

— Что за морок! — охнула Игла. Отражение улыбнулось ей, демонстрируя жемчуг зубов, поманило пальцем с золотым колечком, усыпанным звёздами, а когда Игла шагнула ближе, оскалилось, обернувшись вештицей, истлевшей до костей ведьмой. Кожа посерела и сморщилась, зубы сгнили и покернели, серебро волос превратилось в пепел, а изумруды глаз — в слепые бельма. Игла вскрикну-

ла, отпрянула от зеркала, налетела спиной на шкаф, и тот зазвенел, роняя на пол свои сокровища. Разбилась под ногами хрустальная ваза, осыпались на голову свитки, жемчуга и кольца.

— Кто здесь? — послышался хриплый, надтреснутый голос из темноты.

Игла вздрогнула, развернулась, выставляя перед собой нож, но никого не увидела.

— Кощей? — позвала Игла голосом звонким, как натянутая струна.

Тишину прерывало только её прерывистое от испуга дыхание. А потом снова донеслось слабое: «Кто здесь? — И спустя долгую паузу, будто говорящему приходилось собирать силы для каждого слова: — Помогите».

Игла опустила нож, схватила висевшую в воздухе свечку и, крадучись, отправилась на звук. Но и спустя десяток шагов она никого не увидела.

— Не бросайте меня.

Игла развернулась, и рыжий свет упал на высокий железный... ящик — вернее слова у Иглы в запасе не было, — повторяющий контуры человеческого тела. Он стоял над ней истуканом и глядел золотой маской с чёрными провалами глаз. Железное тело опоясывали цепи, а на груди темнела запирающая руна.

— Помогите... — повторил ящик, и Игла увидела на полу следы давно высохшей крови, будто она выпекала прямиком из ящика.

Правду говорили, что в тереме Кощеевом обитает зло, что бессмертное чудище мучает и лишает жизни своих гостей, потому как не в силах отнять собственную, и ненавидит всех, чье сердце бьётся и замирает по зову смерти. Его же сердце, если верить сказаниям, давно поросло паутиной, ни живое, ни мёртвое, застывшее между двух миров

и оттого способное сотворить чудо, в котором так нуждалась Игла.

— Помогите...

Голос сбросил с Иглы оцепенение, отогнал образ зловещего старика, прожившего на белом свете так долго, что тело успело превратиться в иссущенный скелет.

— Потерпи! — выдохнула Игла, бросаясь к ящику. — Потерпи, миленький, я мигом!

Кровь, которой была начертана запирающая руна, присохла намертво, и Игле пришлось соскребать её остриём ножа. Стоило разорвать плетение линий, сами собой осыпались на пол цепи, превратившись в прах. Игла спрятала нож и ухватилась обеими руками за крышку ящика, потянула изо всех сил.

— Помоги, миленький! Подтолкни! — Игла отнатуги сцепила зубы.

Крышка поддалась, заскрипела и отворилась, обнажив ряды острых шипов, сплошь обагрённых кровью. Игла вскрикнула, когда из ящика на неё упал человек, попыталась удержать его, но не хватило сил. Взметнулась снежная выюга волос, сверкнули золотом глаза, и Игла повалилась на каменный пол. Длинные белые пальцы нашли её горло, разорвали ворот рубахи, и по зале разнёсся мучительный стон. Не успев опомниться, Игла почувствовала, как силы покидают её, как бъётся в крови магия, с каждым ударом сердца вспыхивая и ручьём утекая из тела, стремясь к холодным, чужим рукам на её шее. Закричав, Игла дёрнулась, оттолкнула от себя человека, и удивилась, как легко у неё это вышло — настолько он был немощен и худ. Человек царапнул длинными ногтями кожу на её груди, стараясь поймать последние крохи магии, упал на бок и замер. Игла отпрыгнула, налетев на ящик и чуть не угодив

в его зубастую пасть, и схватилась за горло, защищаясь от нового нападения, но человек на полу так и не пошевелился.

Отдышавшись, Игла поманила свечи, и те послушно подплыли ближе. У её ног лежал юноша немногим старше самой Иглы. На молодом, осунувшемся лице застыла мука. Длинные волосы белой волной разметались по полу; худые, похожие на хрупкие ветви руки с длинными, обломанными ногтями – подрагивали; на платье виднелись дыры от шипов и застывшая кровь. Игла присела рядом, потянулась к юноше, боясь, что он истечёт кровью, но украденная магия уже начала исцеление – раны стремительно затягивались.

– Явилась за Кощеем, а нашла его пленника, – пробормотала Игла, убирая с его лица снежную прядь. На его лбу выступила испарина, губы беспокойно шевелились, но слов Иглы разобрать не сумела. Её сила была в другом.

Юноша не приходил в себя три дня. Игла оттащила его в ближайшую спальню и уложила на кровать и молилась богам, чтобы хозяин дома не вернулся раньше времени. На рассвете она уходила в лес за травами, днём отпаивала юношу отварами – тот мучился лихорадкой, не переставая стонать и бормотать что-то невразумительное, – а вечерами исследовала терем в надежде узнать, куда и по каким делам мог отправиться Кощей. Ей бы бежать на поиски, но Игла не могла бросить больного – её заботы всегда лежали там, где протаптывали путь чужие беды. До города Игла бы юношу не дотянула, чтобы передать лекарям, а тех привести не могла – боялась оставить его надолго: он грозил сорваться в объятия смерти, не дождавшись помощи.

Поэтому Игла оставалась рядом, читала заговоры,

клала ему на лоб пропитанные отваром тряпицы и ждала.

Лепёшки заканчивались, Игла собирала ягоды, орехи и носила воду из ручья — еду, что щедро предлагал Кощеев дом, она ни сама попробовать, ни дать юноше так и не решилась. Зато Игла отыскала книги — тысячи книг, что хранили в себе бесконечные залы. После заката, напоив больного зельем и обтерев его тело, она садилась в кресло у кровати и читала ему вслух, плохо и медленно — как умела. И ей мерещилось, будто, когда комната наполнялась её голосом, он переставал стонать.

А на четвёртую ночь, когда Игла, свернувшаяся калачиком в кресле, открыла глаза, кровать, на которой лежал юноша, оказалась пуста.

